

У г. Павлова

Заложены две вазы за 5 р. сер. проц. 7 к. с 6 октября 1865 г. по 6 февраля 1866 (4 мес) = 6 р. 40 к.

Конец» (ИРЛИ, № 30734, л. 128 об.).

В связи с темой ростовщичества в «Преступлении и наказании» (и в связи с собственным «опытом», отразившимся в приведенном документе) Достоевского могла заинтересовать напечатанная в «Голосе» осенью 1865 г. статья «О разморозении в Санкт-Петербурге ростовщиков»: «Большая часть из них, выдавая ссуду под вещь, вычитают вперед проценты и берут с заемщика расписку в том, что вещь не заложена, а продана без выдачи от себя какого-либо в приеме вещи удостоверения, по которому закладчик имел бы право надеяться на возвращение ему залога, или мнимо-проданного имущества, по уплате занятых денег. <...> закладыватель должен безусловно положиться на честность и добросовестность ростовщика, что далеко не всегда успокоительно. Не соглашаться на эту сделку конечно можно, но тогда надо отказаться от займа, что иногда одно и то же, что отказаться от пицци. Таким образом ростовщик делается господином вещи и может ею воспользоваться совершенно безнаказанно <...> Изворотливый ростовщик не стесняется ничем: он или не окажется дома, или просто-напросто на своих часах переведет стрелку и, принявши заемщика, прехладнокровно объявит ему: что срок на выкуп уже пропущен, и заклад им продан с полчаса назад, и т. п. Как это ни грубо, как это ни пошло, но это практикуется сплошь и рядом».⁵

Приведенные фрагменты из статей «Голоса» дополняют другие аналогичные материалы, собранные В. В. Давиловым, Г. Ф. Котан и другими исследователями и суммированные в комментарии к роману в т. 6 Полного собрания сочинений.

⁵ Голос, 1865, 25 окт., № 326.

В. П. ТИХОМИРОВ

СПОРНЫЙ ВОПРОС ХРОНОЛОГИИ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ К РОМАНУ ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В настоящей заметке рассматриваются некоторые спорные вопросы хронологии рукописных материалов к роману «Преступление и наказание». Замысел романа, как свидетельствует сам Достоевский в письме к жене от 4 апреля 1868 г., возник у него «в Висбадене <...> после проигрыша» (II, II, 410). Из письма к И. С. Тургеневу от 3(15) августа 1865 г. известно, что в Висбаден Достоевский приехал около 29 августа и в течение пяти дней «всё проиграл, всё дотла, и часы и даже в отеле должен» (II, I, 440). Таким образом, при сопоставлении этих свидетельств самого писателя начало работы Достоевского над «Преступлением и наказанием» достаточно точно датируется первыми числами августа 1865 г. То, что работа началась не позднее первой недели августа, подтверждает и дата одного из самых ранних набросков к роману — «7 августа» (7, 80).

Как известно, работа Достоевского над первой редакцией «Преступления и наказания» датируется августом—октябрем 1865 г. Все материалы этой редакции находятся только в первой рабочей тетради писателя, и это не вызывает никаких сомнений. Однако вполне уместен вопрос: все ли подготовительные материалы к роману, содержащиеся в первой тетради, относятся к первой редакции, и, следовательно, все ли они могут быть датированы периодом с августа по октябрь 1865 г.? Оказывается, что нет.

Содержание первой редакции сюжетно в значительной степени соответствует второй части романа, как он был опубликован в «Русском вестнике». На страницах первой тетради встречается до полутора десятков набросков безусловно позднего происхождения, свидетельствующих, что Достоевский использовал эту раннюю черновую редакцию при работе над соответствующими главами окончательного текста. Наброски эти записаны, как правило, на полях и между строк и резко отличаются от ранней редакции тем, что повествование в них ведется от лица автора и герой назван Родионом Раскольниковым, в то время как во всей первой редакции повествование ведется от лица героя, который к тому же носит другое имя — Василий. В академическом Полном собрании сочинений эти наброски тщательно отмечены на соответствующих страницах в подстрочных примечаниях. Представ-

ляется, однако, что в общих примечаниях в конце тома (см. 7, 313 и 400) недостаточно определенно говорится о том, что писатель *работал* с первой тетрадью не только в августе—октябре, но и позже — в ноябре—декабре 1865 г., в период создания двух первых частей окончательного текста романа, причем не только использовал ранние записи, но и вносил в тетрадь новые (иногда по 100—150 слов), отражающие иное художественное решение того или другого эпизода. Для успешия подлинной хронологии подготовительных материалов, содержащихся в первой рабочей тетради, подчеркнуть это обстоятельство оказывается исключительно важным.

Теперь перейдем конкретно к текстам. «В первой тетради хронологически самые поздние записи в самом конце, на страницах 149—152», — пишет Л. Д. Опульская (7, 315). С этим нельзя не согласиться. Но само содержание записей заставляет сомневаться в том, относятся ли они к первой редакции и сделаны ли в период работы над ней, т. е. в августе—октябре 1865 г. Заметим, что еще в 1934 г. В. Комарович указывал, что «заключительные страницы тетради № 2 (по нумерации А. Г. Достоевского, сейчас № 1, — *Б. Т.*) *уводят* нас от краткой редакции, которая зафиксирована в основном содержании этой тетради» (здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, курсив мой. — *Б. Т.*). Правда, сказано это было В. Л. Комаровичем мимоходом и без достаточной аргументации.¹

Напомним, что связный текст первой редакции начинается с возвращения героя домой после убийства и охватывает события вплоть до разговора Разумихина с Бакавиным об убийстве старухи-процентщицы у постели убийцы, его бегства на улицу и встречи с Заметовым в «Хрустальном дворце». На этом повествование обрывается, и во всех без исключения отдельных набросках первой тетради (кроме уже реализованных в связном тексте) разрабатываются планы *продолжения и завершения* «повести». И лишь в записях на последних страницах предполагается *переработка* уже написанного:

«Бакалин, о болезни, Разумихин — те начали говорить об убийстве — *вдруг входит Лужин*, разговор с ним, заминается, о молодом поколении. Тот продолжает об убийстве Бакалину, Лужин слушает и ждет, рассказ об убийстве дает ему повод пачать разговор о том, что начинается разлад, о молодом поколении. Его выходки, что это по вашей же теории. „А правда ли, что вы благоденствия делаете?“ (Лужин сам проговорился.)

— Ваша матушка женщина восторженная.

— А не хотите ли в шею?

— Что ты! Что ты!» (7, 92).

¹ Комарович В. Л. Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917—1933 гг. — Лит. наследство. М., 1934, т. 15, с. 264.

Сама по себе установка на переработку уже созданного связного текста заставляет говорить о своеобразии этой записи в составе первой тетради, но особенное внимание исследователя должно привлечь появление в этом наброске Петра Петровича (на соседней странице он назван по имени) Лужина. Нетрудно заметить значительную близость этого наброска окончательному тексту романа, вместе с тем «лишняя» Лужина возникает и начинает разрабатываться лишь во второй записной книжке. Например: «Женных сестры (разные эпизоды). С ним приезжает знакомиться. Денег дает. Панимает им квартиру. Скупец и хочет в черном теле держать» (7, 140). Сразу же подчеркивает, что в большинстве набросков второй тетради Лужин еще не имеет имени и фамилии, он просто — «женных», показательно также, что во многих из них дается *первоначальная* характеристика персонажа, в то время как на рассматриваемых страницах первой тетради образ Лужина весьма близок к тому, как он будет воплощен в окончательном тексте романа. Также далеко не сразу было решено писателем, когда и как появится Лужин на страницах романа: даже в позднейших планах второй тетради (на с. 107, 109 и 110—111) «женных» появляется в камерке Раскольникова лишь на другое утро после смерти Мармеладова. Здесь же, как и в романе, — это первый день после болезни. Наконец, и известная по роману лужинская теория, которая также упоминается в рассматриваемом наброске («Его выходки, что это по вашей же теории»), еще в самых поздних записях второй тетради принадлежит не Лужину, а Чебалову:

«Чебалов говорит Раскольникову: „Тant que я устроил свои дела, стало быть, и другим полезен, и чем более, стало быть, я эгоист, тем для других же лучше. А то, что по-прежнему-то: возлюбил, дескать, о других думай, а свои дела запустил, вот и сел на шею к своему ближисму. Тут, знаете, арифметика“» (7, 151).

И лишь в записи, датированной 28 декабря (!), впервые говорится о теории Лужина:

«В. Женных (Лужин) — совершенно развивает ему теорию, по которой убить можно. В. Даже разговаривает про убийство старухи, „конечно можно“ (по теории жениха)» (7, 152).

Приведенные наблюдения позволяют выдвинуть гипотезу о непринадлежности записей на последних страницах первой рабочей тетради подготовительным материалам к первой редакции «Преступления и наказания» и о их гораздо более позднем происхождении. Приведем дополнительные наблюдения.

В примечаниях к публикации рукописных материалов к роману в академическом Полном собрании сочинений отмечается, что «в конспективных заметках в конце тетради (первой. — *Б. Т.*) герой впервые назван по фамилии: Раскольников. И героиня по имени: Соня» (7, 315). Насчет Соли сказано неточно: еще на странице 40 первой тетради находим запись: «Соня, дочь чиновника» (7, 86), а вот фамилия Раскольников, действительно, появляется впервые: «Раскольников говорит загадочно и востор-

женно. Обморок на улице» (7, 94), — по вот это то и настораживает. Это единственное упоминание фамилии героя в материалах первой и второй редакций. Во второй тетради фамилия Раскольников появляется лишь в хронологически самых поздних записях, на страницах, датированных 7 и 28 декабря, т. е. уже во время работы писателя над окончательным текстом романа. Таким образом, до поворотного момента в творческой истории «Преступления и наказания», когда, в конце ноября 1865 г., Достоевский, по его собственному признанию, «всё сюжет» и «начал сызнова» (П., 1, 430), т. е. приступил к работе над третьей (окончательной) редакцией, главный герой десятки раз именуется Василием, Васей, Васюком, а начиная с первых же записей, сделанных после того, как «новая форма, новый план <...> увлек» Достоевского (там же), имя героя — Родион Раскольников. И лишь наброски на рассматриваемых страницах в конце первой тетради нарушают эту закономерность.

Когда же сделаны Достоевским эти наброски? К какой редакции романа они относятся? Развивая высказанную гипотезу, можно предложить следующее решение. Приступив к созданию печатного текста «Преступления и наказания», работая, в частности, над второй частью романа, сюжетно близкой, как было уже сказано, первой редакции, Достоевский возвращается к ранним записям первой тетради, использует их в работе над окончательным текстом. И попутно, на страницах первой тетради, на полях и между строк текста ранней редакции, делает краткие заметки по содержанию создаваемых глав. Как уже говорилось выше, эти записи отличаются от окружающего текста по характеру повествования (от автора), именами героев и т. п. и в академическом Полном собрании сочинений напечатаны в подстрочных примечаниях на соответствующих страницах с пометой: «наброски к третьей (окончательной) редакции» (см. 7, 49—68). Это установленный факт.

Но, работая над отдельным эпизодом, сценой, главой, Достоевский никогда не прекращает размышлять над романом в целом. И когда в процессе работы над IV главой второй части окончательного текста (а именно к этой главе относятся все заметки позднего происхождения на полях первой редакции) у него возникает потребность сделать записи к последующим главам (V и VII) и даже частям (третьей), записи достаточно развернутые, чтобы их можно было уместить на полях, Достоевский отыскивает, что вполне естественно, в этой же первой тетради свободные от записей страницы (которых к этому времени всего-то оставалось в первой тетради около 10) и делает на них необходимые наброски. Так в конце первой тетради Достоевского, содержащей материалы самой ранней редакции романа, появляются записи, относящиеся к третьей (окончательной) редакции; время их появления — не раньше конца ноября, но скорее всего — вторая половина декабря 1865 г. Такова гипотеза.

Следующим нашим шагом будет попытка определить более

конкретно место этих набросков среди подготовительных материалов к окончательной редакции, которые содержатся во второй и третьей рабочих тетрадях Достоевского.

Среди подготовительных материалов к первой редакции рассматриваемые записи в конце первой тетради воспринимаются как шпородные, вместе с тем при тщательном их анализе обнаруживаются многочисленные предметы родства этих набросков с записями на некоторых, причем строго определенных, страницах второй рабочей тетради писателя, что позволяет говорить об *одновременности* (конечно, относительной) их возникновения.

Среди опубликованных в академическом Полном собрании сочинений подготовительных материалов ко второй (пространной) редакции «Преступления и наказания» есть ряд записей, которые стоят особняком от основного корпуса набросков к этой редакции и в то же время, рассмотренные в совокупности, составляют вполне определенное, замкнутое единство. Мы имеем в виду записи на с. 111—113 и 132—134 второй тетради. И вот именно с записями на этих страницах соотносятся, во многом, так сказать, «совпадают при наложении» наброски в конце первой рабочей тетради. Важно подчеркнуть, что речь здесь пойдет, главным образом, не о близости тех или иных отдельных записей на сопоставляемых страницах, но о близости самих этих страниц как определенного единства в многообразии составляющих их элементов, что будет свидетельствовать не столько о связи этих набросков в развитии того или иного мотива, сколько о их принадлежности, так сказать, «одному срезу» творческой истории «Преступления и наказания».

В центре наших наблюдений опять оказывается Петр Петрович Лужин. В сюжетном отношении большинство подготовительных материалов ко второй редакции, в которых фигурирует «жених сестры», не выходит за рамки «треугольника»: Раскольников — жених — мать и Дунечка — Раскольников — и варьирует одну и ту же несложную схему: «Жених сестры <...> с ним приезжает знакомиться», «По поводу жениха сестры он еще до убийства письмо отослал к ней: *не выходить*. Теперь они сами приезжают <...> Они выталкивают жениха» (7, 140). «Когда жениху надо вернуть деньги, он (Раскольников, — Б. Т.) бежит считать свои. Разумихин достал. Он свои не мог сосчитать» (7, 137). Для уяснения степени участия на этом этапе «жениха сестры» в сюжете весьма показательна помета Достоевского на полях с. 123: «О женихе и прочем *слегка*» (7, 138, помета подчеркнута Достоевским).

Во *всей* второй тетради «жених сестры» назван по имени — Лужин, Петр Петрович — лишь на с. 103—104, датированных 7 и 28 декабря и очевидно относящихся к третьей (окончательной) редакции, и — на с. 111—113 и 132—134. И именно на этих последних страницах мы обнаруживаем существенное расширение сюжетной функции нового персонажа. Главное, на что здесь необходимо указать, — разработка писателем «линии»: Лужин —

Соня Мармеладова, на что нет и малейшего намека в иных набросках за пределами указанных страниц второй тетради.

Здесь уже Лужин не только «приезжает знакомиться» с Раскольниковым, но и «застает развратную женщину у него» — Соню. На с. 113 читаем:

«На утро она, потом Разумихин, потом Лужин. Соня приходит говорить, что хоронят сегодня. Он ее сажает и удерживает <...> Выпроваживает Лужина. Тот оскорбляет ее. Он застывает» (7, 132. Подчеркнуто Достоевским. — *Б. Т.*).

На с. 132:

«Он (Лужин, — *Б. Т.*) уведомляет Пульхерию о том, что сын тратит деньги на содержание б... (Сплетник прирожденный)» (7, 136).

На с. 112:

«В тот вечер в сцене с матерью — ссора с ней и с сестрой <...> „Еще бы! Петр Петрович застает тебя с женщиной подозрительной“.— „Эта женщина, да, она подозрительная женщина, она гуляет по улицам, но он мизинца не стоит“» (7, 133).

Памечается на этих страницах и осложнение ранее заявленного мотива: на с. 113, внизу, находим заметку:

«прокляти» свидания». Мать, письмо Лужина насчет девицы сомнительной, чтобы не было его» (7, 133).

Повторим: только на названных страницах второй тетради разрабатывается писателем этот сюжетный узел; и именно здесь мы обнаруживаем прямые соответствия (вплоть до дословных совпадений) с набросками в конце первой тетради:

«Разумихин проболтался: письмо от Лужина, чтоб вечером его не было <...>».

Мать в волнении:

— Вот Петр Петрович говорит, что ты на содержании.

— Да, я отдал деньги, не стоит мизинца. Обида. Коротко и ясно рассказывает историю Соню. Но вот что я спрошу: правда ли, что было непременно условие, чтоб я не приходил?» (7, 94).

Указанные соответствия, пожалуй, наиболее важные, но далеко не единственные на сопоставляемых страницах двух тетрадей, и поэтому продолжим наблюдения. «Впервые здесь называются три новых персонажа, — пишет Л. Д. Опульская в комментарии к последним страницам первой тетради, — Аристов... Лыжин (Лужин) и Лебезятников» (7, 315). Добавим к ним еще Рейслер — в окончательном тексте: Реслик (возможно, контаминация имен двух кредиторов Достоевского — Рейслер и Гинтерлах). Причем подчеркнем, что и Аристов, и Рейслер, и Лебезятников находятся в этих записях в каких-то неясных отношениях с Лужиным. Прояснить эти отношения помогает обращение (опять же!) к наброскам на с. 111—113 и 132—134 второй тетради.

Начнем с Рейслера. В наброске на с. 150 первой тетради фамилия Рейслер стоит рядом с Лужиным и Аристовым:

«Рейслер. Лужин употребляет его» (Аристова, — *Б. Т.*) (7, 93).

Объясняют это «соседство» материалы второй тетради, где имел

Рейслер встречается дважды: на с. 111 и 132, причем оба наброска теснейшим образом связаны между собой развитием единого мотива. В первом из них:

«(Рейслер говорит Соне). Жаль только, что он тебя учил убей. Соня дала знать Разумихину. Разумихин, прикинувшись в глазах Рейслера врагом Сони, выпытал Рейслера. Ничего не знает. Но Соня уже достала 50 руб. вперед, чтоб к Луизе Ивановне, куда сам Разумихин посоветовал...» (7, 134).

Во втором наброске этот сюжетный ход значительно усложнен: появляются Лужин и затем — Аристов:

«Рейслер слышала (всё про Рейслера). Он (Лужин, — *Б. Т.*) связывается с Рейслером и догадывается (всю историю), что он убил. Грозит Соне, что он погубит его.

„А зачем достали 50 р. для него?“ <...>

Аристов <...> Он шпион Лыжина. Они мучают Соню» (7, 136).

Перейдем к Аристову. Впервые с ним мы знакомимся в том же наброске на с. 150 первой тетради, что и с Рейслером. По существу, именно Аристову и посвящен этот набросок:

«Аристов и его история. Он приходит к нему: „А признайтесь, это вы сделали“. У Дюссо. Наивно. Продает сестру франту с К-го бульвара. Бьет сестру и отнимает у ней всё. Купил фальшивые билеты. Рейслер. Лужин употребляет его...» (7, 93).

На следующей, 151 с. Аристов предстает как участник вечеринки у Разумихина, где ему принадлежит несколько характерных реплик. Вторично и последний раз Аристов фигурирует в уже частично цитированном наброске на с. 132 второй тетради, причем этот набросок в основном варьирует уже известное:

«Аристов (бывший с Заметовым у Разумихина и в трактире) приходит к нему еще вначале, излагает ему все убеждения свои и намекает, что есть сестра и можно по фальшивой монете. Он шпион Лыжина. Они мучают Соню» (7, 136).

Таким образом, налицо не просто совпадение отдельных имен и характеристик, но — целой сюжетной ветви, причем в высшей степени оригинальной, которая дана подробно в набросках второй тетради и в сжатом виде — в конце первой: Лужин, Рейслер и Аристов в совокупности отчасти предвосхищают здесь роль будущего Свидригайлова. Действительно, «Рейслер слышала» признание Раскольникова Соне, Лужин, связавшись с Рейслером, «догадывается, что он убил. Грозит Соне (Свидригайлов шапталит Дунечку, — *Б. Т.*), что он погубит его». Аристов по поручению Лужина приходит к Раскольникову: «А признайтесь, это вы сделали». И при этом ни в одной другой версии второй тетради ни Аристов, ни Рейслер, ни их участие во вражде Лужина к Соне Мармеладовой не упоминаются вовсе. Именно наблюдения такого рода и заставляют говорить о набросках на с. 111—113 и 132—134 как о вполне определенном, замкнутом единстве, стоящем особняком по отношению к другим подготовительным материалам второй редакции.

И наконец — о Лебезятникове. В материалах первых двух тетрадей *только дважды* намечается связь между Лужиным и Лебезятниковым: на с. 150 первой и с. 132 второй тетради. В первой тетради рядом с наброском сцены посещения Лужиным Раскольникова, на полях, находим набросок:

«В N-х, в каких не говорит, здесь близко, *Лебезятников*» (7, 92).

Понять эту отрывочную запись помогает окончательный текст:

«Приискал им на первый случай квартиру, — говорит в романе Лужин о Дунечке и Пульхерии Александровне.

— Где? — слабо выговорил Раскольников.

— Весьма недалеко отсюда, дом Бакалеева...

— Это на Вознесенском, — перебил Разумихин, — там два этажа *под номерами* <...>

— Да, *номера-с* <...> покамест и сам тесюсь в *номерах* <...> в квартире одного моего молодого друга, Андрея Семеновича *Лебезятникова*; он-то мне и дом Бакалеева указал» (6, 114—115).

Во второй тетради *соответствие* этому находим на с. 132:

«Надобно, чтоб Лужин (у Лебезятникова) поражен был Соней <...> Он *был у Лебезятникова* во время смерти Мармеладова» (7, 136).²

На последнем наброске необходимо остановиться подробнее. Дело в том, что в академическом Полном собрании сочинений рассматриваемые нами записи на с. 111—113 и 132—134 безусловно отнесены ко второй редакции, причем как *наиболее ранние* во всей второй тетради; так эти записи и опубликованы в томе с рукописными редакциями «Преступления и наказания». Это положение противоречит приведенным выше наблюдениям и проводимому в настоящей заметке общему взгляду на хронологию рукописных материалов к роману в целом, а поэтому требует возражения. Основывает свой выбор публикатор именно на анализе наброска «Надобно, чтоб Лужин (у Лебезятникова)...», но приводимая аргументация представляется нам уязвимой.

Приведем интересующий нас набросок в полном объеме:

«К СЮЖЕТУ РОМАНА (ОКОНЧАТЕЛЬНО)»

Надобно, чтоб Лужин (у Лебезятникова) поражен был Соней.

² Можно указать еще целый ряд соответствий. На с. 133 второй тетради находим заметку:

«Потом он сам говорит про себя, что оттого говорил у Разумихина про арифметику, что знал, что его *после этого* не заподозрят». На с. 151 первой тетради этому соответствует такой микродialog:

«Разумихин провожает.

— Слушай: они подозревали, теперь, после твоих слов, не будут.

— Я это знал.

— Как знал...» (7, 135 и 93).

Стоит отметить, что если во второй тетради слова Раскольникова записаны конспективно в авторской заметке под грифом «Не забыть» (7, 135), то в первой тетради они уже развернуты в сцену, в диалог. Вместе с другими наблюдениями это позволяет предположить, что записи в конце первой тетради — несколько более позднего происхождения.

Застает *развернутую* женщину у него. Он был у Лебезятникова во время смерти Мармеладова и видел Соню. Он уведомляет Пульхерию о том, что сын тратит деньги на содержание б<-->. (Сплетник прирожденный.)

Он оскорбляет Соню на улице с Лебезятниковым (непонятное даже ожесточение его против Сони. «Я тебя в бараний рог согну»). Соня его бегает.

Наконец открывается, что он влюбляется в Соню ужасно (натура). Он делает связи в Петербурге и сам дивится, что так падает.

Рейслер слышала (все про Рейслер). Он связывается с Рейслер и догадывается (всю историю), что *он* убил. Грозит Соне, что он погубит его <...>

Сходится с следователем и Заметовым» (7, 136).

По поводу этого наброска в примечаниях говорится: «На странице 132 сделана запись: „*К СЮЖЕТУ РОМАНА (ОКОНЧАТЕЛЬНО)*“, — которая, однако, никак не воплотилась в печатном тексте романа (Лужин влюбляется в Соню) и *должна быть отнесена к ранним стадиям работы*» (7, 318). Вывод несколько ошибочный. То, что все без исключения записи третьей тетради относятся к окончательной редакции и делались в то время, когда роман уже печатался в «Русском вестнике», — установленный факт. Тем не менее в самом начале третьей тетради (с. 16—18) находим развернутую характеристику Лужина, которая предельно близка наброску «Надобно, чтоб Лужин (у Лебезятникова)...»:

«3-й характер.

Петр Петрович Лужин.

При тщеславии и влюбленности в себя, до кокетства, мелочности и *страсть к сплетне*. Он вошел душою и сердцем во *вражду к Соне*, назло Раскольникову, единственно потому, что тот сказал, что *он мизинца не стоит*, и с жаром говорил о ее *подвиге*. Лужин <...> возненавидел Соню до личной ненависти и даже *вошел в интересы Лебезятникова и связался с ним*, чтоб унижить Соню <...>

Даже *делами неглижирует* своими, увлекаемый этой враждою.

Он *связывается с Рейслер и грозит Соне*.

NB. По Лужин <...> — все-таки человек не ординарный. Назло себе все-таки он не может не признать достоинств в Соне и вдруг *влюбляется* и приступает к ней до *последнего* (трагедия).

Он *связался с следователем*, чтоб вредить Раскольникову. Сплетни Рейслер» (7, 158—159).

Эта характеристика Лужина записана не раньше начала января 1866 г. Таким образом, близость, с одной стороны, наброску-характеристике третьей тетради, а с другой стороны — записям в конце первой тетради, которые мы предварительно датировали второй половиной декабря 1865 г., позволяет нам сделать существенно иной вывод о времени создания набросков на с. 111—113 и 132—134 второй рабочей тетради Достоевского: эти записи — одни из позднейших в тетради и должны быть отнесены к третьей (окончательной) редакции.

В этой связи обратим внимание на следующий набросок ком-

позиционного характера, который находим на с. 112 второй тетради:

«NB. С этого времени начинаются сцены в разных местах. Несколько интриг.

Его с Соней (письма Соци к нему), матери против Соци, Разумихина с дочерью, Следователя, молодого человека» (7, 133). Трудно допустить, что здесь разрабатывается композиция произведения в жанре «дневника» или даже «исповеди» героя; наличие важные конструктивные признаки романа с авторским повествованием.

В завершение остановимся еще на одном вопросе: как отнесенные нами к третьей редакции записи в конце первой тетради и на с. 111—113 и 132—134 второй тетради соотносятся с теми записями второй тетради, которые традиционно рассматриваются как подготовительные материалы к окончательной редакции и датируются декабрем 1865 г. (с. 102—109)? Мы должны ожидать, что и здесь будут сближения и совпадения, причем — и это имеет принципиальное значение — «поверх» материалов второй редакции. Конкретный анализ подтверждает эти ожидания.

Во всех материалах первой редакции ни разу не употребляется сакраментальное для героя в романе слово «арифметика». В черновиках, относящихся ко второй редакции, появляется и занимает обязательное место в планах и конспектах — «математика». И лишь на с. 104 второй тетради среди набросков к первой части окончательного текста, один из которых к тому же датирован 28 декабря, читаем:

«Тут, знаете, арифметика.

После *арифметики*, как вышел на Сенную: „А зачем я топор притотвил? А зачем обдумывал? А зачем шаги сосчитал?“» (7, 151). Таким образом, одно из ключевых для окончательного текста романа слов-понятий своеобразно «маркирует» каждую из его рукописных редакций: отсутствует — в первой, «математика» — во второй, «арифметика» — в третьей редакции. И в этой связи показательно, что на с. 151 первой тетради в наброске сцены вечеринки у Разумихина герой развивает свою «теорию арифметики», с которой вступает в спор Следователь:

«— Когда вы поживете, вы увидите, что есть в преступлении нечто более арифметики. У вас арифметика, а тут жизнь» (7, 93).

А на с. 112 второй тетради в спор с «арифметикой» вступает уже Соня Мармеладова.

«Арифметика справедлива, а я мягок...», — говорит Раскольников. Этой «арифметике» противопоставлена позиция Соци:

«Арифметики — губят, а непосредственная вера спасает. Всё помутилось <...> В красоту русского элемента верь (Соня). Русский народ всегда, как Христос, страдал, говорит Соня» (7, 134).

Кстати, в процитированном наброске впервые в черновиках романа Соня Мармеладова предстает как герой-идеолог; и в этом

отношении набросок на с. 112, опять минуя материалы второй редакции, прямо связан с записью на с. 103, датированной: «С 7-го декабря»:

«— Это неправда-с, — говорит Соня. — А в комфорте-то, в богатстве-то вы бы, может, ничего и не увидели из бедствий людских, бог, кого очень любит и на кого много надеется, посылает тому много несчастий, чтоб он по себе узнал и большие увидел, потому в несчастии больше в людях видно горя, чем в счастье <...>

С горем-то (иной раз) больше счастья» (7, 150).

Как и в первом наброске, Соня здесь выступает как апологет страдания и идеологический оппонент главного героя. Ни с чем подобным мы не сталкиваемся ни в первой, ни во второй редакции.

Укажем еще на один любопытный сюжетный ход. На с. 102 второй тетради находим такой набросок:

«Сестра становится злейшим врагом Соци, восстанавливает против нее Разумихина, чтоб он оскорбил ее, и когда, впоследствии, Разумихин перешел на сторону Соци, то она рассоривается с ним.

А потом сама идет объясниться к Соце, сперва оскорбляет. А потом в ногах у ней <...>

Разумихин говорит: „Я уже ходил просить у ней (у Соци) прощенья. Как она рада-то была, что я пришел“» (7, 149—150).

Отголоски этого замысла мы опять обнаруживаем во второй тетради *только* в беглых заметках на с. 112 и 132:

«Разумихин оскорбляет Социю...» (7, 133) и

«Разумихин то преследует Социю, то защищает ее. Сестра была у Соци» (7, 136. Подчеркнуто Достоевским, — Б. Т.).

Подробно же этот мотив разработан в самом начале третьей тетради, в одном из набросков, записанных под рубрикой: «Заметки к роману. Характеристики»:

«1. Разумихин <...>

Разумихин сначала стал рабом Души <...> И потому с 1-го раза он возненавидел Социю, так как и Душа возненавидела и оскорбила ее <...> Но потом (со 2-й половины романа), поняв, что такое Соня, он вдруг перешел на ее сторону, а Душе сделал страшную сцену, рассорился и закутил. Но <...> узнал, что Дуся была у Соци и проч. <...> (7, 156). Датирован этот набросок-характеристика: «2-е января 1866 год».

В конце отметим еще несколько деталей. Только дважды в черновиках «Преступления и наказания» упоминается фамилия Неофитов — на с. 151 с. первой и 104 с. второй тетради.

Только дважды в черновиках герой в своих размышлениях обращается к сражению Наполеона с австрийцами при Маренго — на с. 151 первой и с. 104 второй тетради.

Только на с. 150 первой и на с. 102—104 второй тетради скупщик просроченных закладов у старухи-процентщицы, один из двух «гостей», заставших Раскольникова в квартире на месте

преступления, назван Кохом (как и в окончательном тексте), в то время как во всех материалах первой редакции его фамилия Бергштольд.

Таким образом, множество путей связывает наброски в конце первой тетради с самыми поздними записями второй тетради (как на с. 111—113 и 132—134, так и на с. 102—104), совершенно минуя материалы второй редакции, и дальше — с наиболее ранними (январскими) набросками-характеристиками третьей рабочей тетради Достоевского. И это позволяет говорить о принадлежности всего этого комплекса теснейшим образом связанных между собой подготовительных материалов третьей (окончательной) редакции «Преступления и наказания». В итоге наших наблюдений мы получаем возможность более четко и последовательно, чем это делалось прежде, разграничить подготовительные материалы к трем рукописным редакциям романа «Преступление и наказание», что является необходимой предпосылкой изучения творческой истории этого шедевра Достоевского. Особенно важными наши выводы представляются для изучения работы писателя над романом в конце ноября—декабре 1865 г., когда Достоевский приступил к работе над окончательным текстом произведения. В результате проделанного анализа фонд подготовительных материалов, относящихся к этому периоду работы писателя, должен быть увеличен более чем вдвое: кроме записей на с. 102—109 второй тетради к нему необходимо отнести записи на с. 111—113 и 132—134 этой же (второй) и на с. 150—152 первой рабочей тетради Достоевского.

Т. В. МИДЖИФЕРДЖИ

РАСКОЛЬНИКОВ—СВИДРИГАЙЛОВ—ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ: ПОЕДИНОК СОЗНАНИЙ

Роман «Преступление и наказание» — наиболее камерное по форме повествования произведение Достоевского. Основным субъектом повествования в романе является безличный повествователь. Авторская оценка событий, будучи гораздо шире оценки повествователя, в существенном совпадает с ней. Для определения авторской позиции значимы сопереживания повествователя тому или иному герою, временная передача повествовательных функций персонажам романа, отстранение от них в определенных ситуациях, однозначная характеристика одних и недосказанность по отношению к другим.

Авторскую позицию в романе «Преступление и наказание» мы предполагаем рассмотреть через своеобразную триаду персонажей: Раскольников — Свидригайлов — Порфирий Петрович. Их мы можем назвать субъектами авторского восприятия (термин Б. А. Успенского). «Если в образы одних персонажей автор может на время перевоплотиться, то другие персонажи в произведении могут, напротив, оставаться для него воспринимаемыми чисто внешне, со стороны: он пишет их портрет, но не вживается в их образ. Иначе говоря, если одни персонажи в произведении могут выступать в роли субъекта авторского восприятия, то другие персонажи составляют исключительно его объект».¹

Применительно к творчеству Достоевского говорить об авторской позиции, непосредственно включенной в ткань повествования, не приходится. Авторская позиция вычленяется только из всего произведения в целом, выражается непрямо, опосредованно, при помощи сложных композиционных средств. «В план век композиционного мышления как раз хорошо читаются именно композиционные решения, и исходной при этом должна быть посылка, что композиционные решения тоже несут авторскую оценку».² Для выявления авторской позиции в романе Достоевского «Преступление и наказание» необходимо проанализи-

¹ Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970, с. 123.

² Свистельский В. А. Композиционное мышление и авторская оценка в романах Достоевского 60—70-х годов. — В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1974, сб. 7, с. 21.